

ПРАВДА
г. МОСКВА

20 ФЕВ 1971

ДА

20 февраля 1971

ПОРТРЕТ ПОЭТА

В МИРЕ МУЗЫКИ

Внимание общественности справедливо привлекло новое сочинение Отара Такакишвили — оратория «Николоз Бараташвили» для солиста, вокального октета, хора и симфонического оркестра, исполненная на днях в Колонном зале Дома союзов в Москве.

Н. Бараташвили прожил недолгую жизнь и оставил всего 37 стихотворений и одну историческую поэму, но именно они во многом определили дальнейшее развитие грузинской поэзии. Современников и ближайших потомков Бараташвили захватывало то, что поэт переживал трагическую судьбу Родины как свою личную трагедию. И сегодня мы восхищаемся патристическим звучанием его строк, благородством идеалов.

Композитор строит поэтическую основу своего сочинения таким образом, что оно становится развивающимся во времени музыкальным портретом Бараташвили. Перед нами разворачивается процесс духовного возмужания поэта. В начале оратории мы знакомимся с восторженным юношей, доверчиво и жадно глядящим в мир. Его одиноково приводит в трепет и красота родного пейзажа и нечаянная встреча с любимой. В конце — перед нами зрелый художник-романтик, осознавший вопреки многочисленным ударам судьбы свое высокое предназначение.

Оратория состоит из пяти частей, в каждой из которых принимают участие те или иные разноплановые музыкальные силы: здесь и солист-

тенор, которого мы невольно отождествляем с личностью поэта, вокальный ансамбль «Горделла» (он сообщает неповторимый народный колорит звучанию вокально-симфонического цикла), наконец, большой хор и оркестр, придающие сочинению масштабность и монументальность.

В «Воспоминаниях» преобладают настроения философски-созерцательные. Им соответствуют и прозрачные тембы оркестра. Хоральное песнопение пластично передается от вокального ансамбля к оркестру и обратно.

Пленительные, завораживающие мелодии второй части, озаглавленной «Таинственный голос», воспринимаются как органичные и в звучании хора, и в оркестре. Поэт предчувствует свое призвание:

Путь твой особый.

Ищи — и найдешь...

В третьей части — «У Александра Чавчавадзе» — использовано несколько стихотворений Бараташвили, посвященных его любви к дочери Чавчавадзе Екатерине. Наряду с проникновенной грузинской мелодией здесь звучит тема вальса, которая помогает передать высокую духовную атмосферу дома Чавчавадзе, связанного с передовой русской культурой того времени (вспоминаются вальсы Глинки и Грибоедова, лирика Лермонтова, которую любил и прекрасно знал Бараташвили).

В четвертой части — «Сумерки на Мтацминде» — поэт после драматически окончившейся любви вновь обретает утешение и веру, размышляя

над картинами родной природы.

Музыкально эта часть воспринимается как последнее затишье перед бурным, темпераментным финалом, который в общей архитектонике сочинения занимает едва ли не главное место. Последняя часть — «Мерани» (Пегас) — это центр, обобщение идей Н. Бараташвили и соответственно музыкальных идей композитора. В лирике поэта именно стихотворение «Мерани» было итогом размышлений, исканий и его поэтическим завещанием.

Отар Такакишвили стремился найти адекватное музыкальное выражение этим мыслям, значительным и высоким. Финал оратории сделался ее идейной вершиной. Здесь воплощена негибкая воля человека, в активном порыве преодолевающего все препятствия и одерживающего духовную победу. В музыке преобладают активные ритмы, развитие идет сплошным широким потоком, в который искусно вкраплены реплики солиста (З. Анджапаридзе), вокального ансамбля, хора (Большой хор Всесоюзного радио и телевидения, худ. руководитель К. Птица, хормейстеры М. Бондарь и Л. Ермакова) и оркестра. Сочинением великолепно продирижировал Такакишвили.

Хочется верить, что этому сочинению, где с подлинным мастерством воплощены высокие гуманистические идеалы, уготовано признание многих и многих слушателей.

Алексей НИКОЛАЕВ.